

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ
ИСТОРИИ

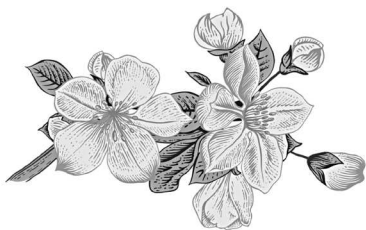
Татьяна УСТИНОВА
Закон обратного волшебства

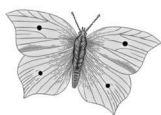

Татьяна ПОЛЯКОВА
Небеса рассудили иначе

Анна и Сергей Литвиновы
Даже ведьмы умеют плакать

ДЕТЕКТИВ НА ПОРОГЕ ВЕСНЫ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д38

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Д38 **Детектив** на пороге весны : романы / Татьяна Устинова, Татьяна Полякова, Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2022. — 672 с. — (Великолепные детективные истории).

ISBN 978-5-04-162334-0

Весна — время новых начинаний, впечатлений, путешествий и знакомств. Время любви и захватывающих дух приключений! Вот и наши любимые авторы — Татьяна Устинова, Татьяна Полякова, Анна и Сергей Литвиновы — решили порадовать нас незабываемыми весенними историями в своих остросюжетных романах. Вместе с их героями мы снова разгадаем хитроумные головоломки, которые с такой щедростью и изобретательностью подкидывает нам жизнь. Читайте и заряжайтесь оптимизмом!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-162334-0

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

• СОДЕРЖАНИЕ •

Татьяна Устинова
ЗАКОН ОБРАТНОГО ВОЛШЕБСТВА

7

Татьяна Полякова
НЕБЕСА РАССУДИЛИ ИНАЧЕ

225

Анна и Сергей Литвиновы
ДАЖЕ ВЕДЬМЫ УМЕЮТ ПЛАКАТЬ

431

Татьяна УСТИНОВА

**Закон
обратного
волшебства**

Гертруда и Роналд обвенчались. Счастье их было безоблачным.

Что тут можно еще добавить?

Да, еще вот что. Через несколько дней граф был убит на охоте.

Графиню поразила молния. Дети утонули.

Итак, счастье Гертруды и Роналда было совершенно безоблачным.

Стивен Ликок,

«Гувернантка Гертруда,

или Сердце семнадцатилетней»

а глаза ему попала красивая девушка, и он стал смотреть на нее — чтобы хоть куда-нибудь смотреть! Кроме того, смотреть на нее было приятно, она как будто из журнала

выскочила.

Из такого — он пошевелил лбом, подгоняя умные мысли поближе, — из такого... как это называется-то?

Ну, картинки красивые и на обложке непременно ангельское личико, а по бокам заголовки: «Шестнадцать способов соблазнить шефа», «Роскошные ресницы — счастливая судьба, новая удлиняющая тушь от...», «Весна — время заняться фигурой», «Загляни ему в душу».

Последнее, про душу, ему особенно нравилось, учитывая, что путь то ли к этой самой душе, то ли к сердцу пролегал через желудок. Какое это — заглянуть в душу через желудок? Красота небось откроется, ни в сказке сказать, ни пером описать.

Как же называется-то это все?..

Ах, да! Глянец, вот как! Гламур, вот еще как.

Девушка, выскочившая из глянца или гламура, обежала свою машинку, похватила с заднего сиденья сумочку, зонтик и еще что-то очень дамское, побежала, на ходу натягивая обуженную донельзя светлую дубленку, не глядя, вытянула руку с брелком. Машинка подмигнула фарами, как будто попрощалась с ней.

Он зевнул, чуть не вывернув челюсть, и захлопнул рот — зубы клацнули.

Спешит она. Торопится. На работу, должно быть, опаздывает. Он подчиненных за опоздания гонял в хвост и в гриву, и мысль о том, что она опаздывает, доставила ему удовольствие.

«Вот работала бы она на меня, — мечтал он. — Вот опоздала бы, а я бы вызвал ее, и давай мозги вправлять! Я бы вправлял, а она бы краснела, мялась, негодовала, стреляла своими глазищами. Шестнадцать способов соблазнить шефа!..»

Но девушка повела себя странно. Она перебежала дорогу, ввинтилась в толпу на троллейбусной остановке и на некоторое время пропала из глаз. Он все смотрел, позевывая. Подошел троллейбус.

Он был переполнен уже в тот момент, когда подходил, да еще столько же народу, сколько было внутри, собиралось штурмовать его снаружи — и глянцева девушка тоже!

Он ее увидел. Сделав решительное лицо, она сунула под мышку сумочку, получше укрепила в руке зонтик, одернула кургузый пиджачок и бросилась на штурм.

Штурм был краток и страшен.

Все лезли, ругались, пихали друг друга локтями в бока, тащили за одежду. Одежда трещала и рвалась. Лица наливались кровью и ненавистью. На мокрый асфальт летели пуговицы и проклятия.

Троллейбус постоял-постоял, а потом вздохнул и поехал — двери не закрывались, и от народа его кренило на одну сторону, вот-вот «рожки» слетят.

И чего ей на машине не ехалось?.. Чего лучше, сиди себе, слушай музыку, что-нибудь возвышенное и гламурное, к примеру, «тонкий шрам на любимой попе, рваная рана в моей душе», подпевай да продвигайся потихоньку.

Лишь солнце взойдет, собирайся в дорогу и следом за ним поезжай понемногу. Покуда вернется оно в небеса, объедешь ты в двадцать четыре часа.

На самом деле — отличный лозунг для участников и регулировщиков московского движения. Двадцать четыре часа в машине, и это еще не предел! Вы можете сделать больше!..

Скособоченный троллейбус уехал, а он остался, и смотреть ему стало не на что.

На кого-то она похожа, та странная девушка. На кого-то из книжки или с картинки. А может, из телевизора.

Нет, он не мог вспомнить, на кого именно.

Человек, наблюдавший за ним издалека, усмехнулся, заметив мечтательное выражение, мелькнувшее на простецкой и не отягощенной интеллектом физиономии. Должно быть, мечтает, как тюлень на лежбище.

О чем может мечтать тюлень на лежбище?..

Этот тюлень сослужит свою службу, участь его решена. За несколько вонючих тухлых рыбок он станет выделывать всякие трюки и фокусы, крутить на носу мяч, беспомощно загребать ластами манеж и обиженно реветь, не понимая, что происходит, когда его тушу поволокут на убой.

Жалко, конечно, — такой отличный экземпляр, еще не подпорченный никакой цивилизацией! — но что поделаешь! Задуманное предприятие потребует жертв. На роль жертвы тюлень подходил идеально.

Из подъезда вышла бывшая тюленева жена, посмотрела вверх — на небо, посмотрела в стороны — на дома.

Посмотрела на тюленя, при этом лицо у нее приняло странное, как будто жалостливое выражение, впрочем, едва заметное. Потом она мазнула глазами и по его машине, совершенно равнодушно, впрочем. И наконец перевела взгляд себе под ноги, прикинула, куда шагнуть. Как раз вовремя, потому что под ногами у нее простиралась огромная лужа, плескалась и важно ходила в асфальтовых берегах. На жене были короткие белые замшевые сапожки и некий «макинтош», как определил он для себя, — что-то летящее, взмывающее, изнутри подбитое тонким светлым мехом, а снаружи атласное, расшитое яркими восточными цветами.

Тюленева жена была женщина со вкусом.

— Илюша! — негромко сказала она в сторону «мерина», в котором вздыхал и ворочался тюлень. — Илюша!

Илюша, ясное дело, ни слова не слышал. Зевал по сторонам, и радио у него играло громко. Почему-то все из их тюленьего племени обожают именно громкую музыку и именно «мерины». В их тюленьи головы даже не приходит, что музыка может быть тихой и ненавязчивой, а машина — не «мерин».

Жена вытащила из кармана волшебного «макинтоша» крохотный белый телефончик на жемчужной петельке, как в рекламе, нажала кнопку и стала ждать.

Телефон соединился, тюлень заворочался и завопил с удвоенной силой, нашел свой аппарат и спросил, кто там. Может, он как-то по-другому спросил, но отсюда было плохо слышно.

— Илюш, — попросила жена в телефон, — подъезжай поближе. Здесь такая лужа, я через нее не перелезу.

Илюша стал оглядываться по сторонам, очевидно, так и не поняв с первого раза, кто именно его «вызывает». Она повторила еще нежнее:

— Илюша!

Тюлень наконец сориентировался во времени и пространстве, потому что дорогуший тарантас заурчал, дрогнул, тихонько тронулся с места и остановился прямо у ножек, обутых в белые замшевые сапожки.

Открылась широкая дверь, блеснула на ярком солнце полировкой. Жена подхватила подол своего «макинтоша» и красиво опустила себя на переднее сиденье.

Вообще она все делала красиво. Красиво шла, красиво поворачивала голову, красиво разговаривала по телефону. Как пить дать, с тюленем ей было несладко. Не зря развелась, хотя она до сих пор использует бывшего, вот сегодня, как извозчика.

Наблюдавший пропустил «мерин», солидно и неспешно вырливший на проезжую часть, и, расплескивая лужу, лихо вкатил во двор.

Он все успеет. Выехав из дома, она возвращается поздно, но ему-то, чтоб взять что надо, трех минут хватит.

Он пролетел лужу, въехал в арку, задвинул машину между помойкой и шикарным лимузином.

Вот все в этой стране так, подумал он неодобрительно. С одной стороны помойка, с другой — лимузин.

С одной стороны — многоквартирный элитный дом высотой в сто пятнадцать этажей, а снег от него не убирают. Отгребают от подъездов, и только. Весной все тает, течет, льется, струится, и прямо на тротуарчики, и к подъездам, и под ноги прямо. Элитные многоквартирные жильцы подхватывают полы своих элитных «макинтошей» и, как все простые смертные, продвигаются к машинам все больше галсами и кенгуриными прыжками.

С одной стороны — модный и пафосный ресторан с усатым швейцаром в ливрее, который величественными жестами показывает, как и куда следует шикарно припарковаться. С другой — прямо напротив ресторана — районная помойка со всеми районно-помойными прелестями — бомжами, сборщиками бутылок и бродячими собаками. Когда за помойкой приезжает машина, грузчики матерятся, машина ревет, помойка грохочет, клиенты ресторана радуются жизни.

Слева — школы, справа — больницы. Поселяне и поселянки на заднем плане носят вещи в кабак.

Какое-то время он просто постоит за лимузином, оценит обстановку. А потом поднимется в квартиру и сделает все, что задумал.

Вряд ли это понадобится, но как подстраховочный вариант вполне может пригодиться.

Он был очень предусмотрителен, всегда и во всем. Его собственная жена когда-то поражалась этой его предусмотрительности, а она еще о многом не знала и даже не догадывалась. Ничего, скоро она поплашет.

Покрутив ручку — очень неудобную, потому что шарик давно вывалился и приходилось крутить гладкую пластмассовую палку, которую пальцы никак не могли ухватить, он опустил стекло, закурил и выдохнул. В солнечном луче повисло было облачко, но дунул ветер, легкий, прозрачный, — и нет облачка.

12 Он умилился. Вот и весна пришла.

Если кому-то суждено умереть весной, значит, суждено. Каждый судит по-своему. Он уже осудил, значит, все решено.

Нет преступления без наказания.

Анфиса Коржикова влетела в торговый аптечный зал как раз в тот момент, когда Лида уже выдвинула из-за стойки свои монументальные формы, собираясь прошествовать по ослепительно чистому полу к двери, чтобы перевернуть табличку на длинном шнурке.

Было закрыто. Стало открыто.

Опоздала, опоздала!.. Заведующая очень не любит, когда ее «девочки» вбегают на работу «с последним звонком». Надо же подготовиться как следует — халат, шапочку надеть, руки помыть, и непременно с каким-нибудь дезинфицирующим раствором.

Аптека была старинная, огромная, с ореховыми диванами, фикусами в кадках, с деревянными шкафами, полными лекарств и загадочных бутылей темного стекла, по горлышку опоясанных бумажными шарфиками. Без новомодных глупостей, типа магазинных витрин и пластиковых зеленых корзин, в которые следует набирать «товар».

«Лекарства — не товар, — говаривала заведующая наставительно. — От лекарства, бывает, человеческая жизнь зависит!»

Анфиса Коржикова любила свою работу и гордилась ею.

— Анфиса! — с удивленной укоризной воскликнула Лида, словно видела коллегу первый раз в жизни. — Что это ты так сегодня?

— Как?.. — огрызнулась Коржикова.

Заведующая ей все выскажет — непременно, — уж Лида могла бы воздержаться! Хоть и невелик грех, а выскажет. Может, даже и не сейчас, а через месяц, к примеру. Заведующая очень любила «накапливать» факты, а потом вываливать их в самую неожиданную минуту, когда все уже расслабились и о своих грехах и проступках позабыли.

— Да вот опоздала, — нараспев сказала Лида. — Все уж давно по своим местам...

Дверь за их спинами — с табличкой «Закрыто» — неожиданно распахнулась, и показалась Лена Андреева. На лице у нее была тревога.

— Еще не открывала? — тяжело дыша, спросила она Лиду. — Вот и хорошо! Сегодня с троллейбусами прямо что-то жуткое.

— Это точно, — подтвердила Анфиса.

— Девочки, идите скорее, сейчас уже открываться будем.

— Да мы идем, идем!..

— Анфиска, а ты тоже в троллейбусе застряла?

— Я в метро время потеряла, — на ходу придумала Анфиса. — Вроде и встала вовремя, и будильник зазвонил, и все нормально, а в метро...

— Что в метро? — издали спросила Татьяна Семеновна. За стеллажами ее было совсем не видно. — Опять в метро?!

Все трое повернули головы в сторону стеллажей, но никакой Татьяны Семеновны не увидели.

— Девочки?! Что там в метро?!

— Да ничего, — начала Анфиса, не приготовившаяся врать дальше, — просто я говорю, что опоздала из-за того, что в метро...

— Что в метро?! — Это уже заведующая вскрикнула. Она выскочила из-за перегородки и поверх очков смотрела на них с ужасом. В руках у нее были какие-то листы бумаги, и один вдруг упал и спланировал на пол.

— Да ничего нет в метро, — на всю аптеку закричала несчастная Анфиса Коржикова, — я опоздала из-за того, что поезда долго не было. Я на платформе ждала, а его все не было, а потом пришел, и я в него не влезла, а влезла только в следующий!

В дверях маячили лица сотрудников, привлеченных криками в торговом зале. Лида смотрела на Анфису в изумлении, как будто та призналась в том, что только что встретила на улице кабана-бородавочника. Лида всегда умела оказаться на стороне начальства — даже в большей степени, чем само начальство.

Заведующая нагнулась и подняла листок.

Никто ничего не сказал вслух, но ужас, охвативший всех при слове «метро», словно повис в воздухе.

— Вот жисть какая, — сказала уборщица Нина, — это же господи спаси! Всякий день то горим, то тонем. То режут, то взрывают. А все потому, что небо космосом проткнули и сатана теперь...

— Нина! — одернула ее заведующая строго. Уборщица еще побормотала и затихла.

Заведующая оглядела свое «бабье царство» сначала поверх очков, спустив их на кончик носа, а потом снизу, задрав их на лоб.

— Девушки, все по местам. На три минуты опаздываем.

В аптеке все без исключения именовались «девушками», даже бывшая кассирша Целя Израилевна.

Она состояла на пенсии последние лет тридцать и работала фасовщицей, потому что жить без аптеки не могла. Ей было лет сто или двести, и она имела привычку время от времени спрашивать у всех, помнят ли они, как в Москву приезжала Айседора Дункан и «прелестно, прелестно» танцевала.

Все мялись и от прямого ответа уклонялись, потому что, в случае если кто Айседору Дункан в Москве не видел, Целя Израилевна пускалась в рассказы, которым не было конца. Подчас не было и начала, но ее это не смущало. При этом она нещадно курила, напоминая

собой Фаину Раневскую из фильма «Свадьба», и пряталась от заведующей, которую, по ее словам, помнила «еще ма-аленькой девочкой».

«Маленькая девочка» — заведующая — с куревом всех нещадно гоняла, презирала и строгим голосом говорила, что «медицинский работник не может себе позволить такие безобразные безобразия».

— Коржикова, переодевайся, и на рабочее место, — строго сказала заведующая. — Лидия Андреевна, открывайте. Вон уже первые посетители! — и она кивнула за стеклянную дверь.

Все оглянулись. За дверь действительно маячили две тени. Эти тени — два старика из соседнего дома — приходили каждый день в одно и то же время, к открытию. Они покупали по очереди — валидол и «таблетированную валериану». Должно быть, у них был строгий график, кто из них что именно сегодня покупает. Ни на что другое у них не хватало денег, и они приходили «общаться», а валидол с валерианой покупали «из вежливости». Им казалось, что если они покупают, значит, у них есть дело, не просто так они таскаются и занятых людей от работы отвлекают.

Аптечные «девушки» жалели и любили их, особенно Целя Израилевна, которая рассказывала им, какой дивный магазин «Пуговицы» стоял на том самом месте, где нынче построили гостиницу «Минск». Впрочем, старики были ненавязчивы и интеллигентны, особенно никому не досаждали, и, если «девушкам» было не до них, они мирно сидели на диванчике под раскидистой пальмой с жесткими листьями, которые каждый день протирали тряпочкой уборщица Нина. Вставала на табуреточку и протирала, листик за листиком. Варвара Алексеевна, заведующая, была большой поборницей чистоты.

— По местам, — как капитан на мостике, скомандовала Варвара Алексеевна, — рабочий день начинается.

Анфиса помчалась переодеваться, очень отчетливо осознав, что команда адресована лично ей.

В раздевалке у нее был самый крайний шкафчик, доставшийся ей по наследству от Клавы Ковалевой, которая год назад ушла в декрет. Клаву в аптеке любили, вспоминали и из уст в уста передавали всем, кто только желал слушать, историю ее жизни. Как в детдоме выросла, как потом в фарминституте выучилась, как оказалась она богатой наследницей, как маньяк полоумный ее чуть не убил, а майор Ларионов спас, а потом женился...

Анфиса знала историю наизусть, но все равно всегда слушала, а в той части, где речь шла о «богатой наследнице», — особенно внимательно.

Анфиса стянула клетчатый пиджачок, сунула его в шкафчик и выхватила халат, хрусткий и переливающийся от избытка крахмала. Заведующая любила только такие халаты, и в прачечной, куда сдавали

аптечное белье, все об этом знали, потому что прачечная существовала столько же, сколько и аптека, — наверное, с начала прошлого века.

Анфиса пристроила на короткие волосы легкий белый колпачок, глянула на себя в зеркало и побежала к двери, но вдруг остановилась, вернулась и вновь распахнула шкафчик.

Нужно перевесить пиджак. Конспирация, к которой она давно привыкла, иногда вдруг начинала давать сбои. Какая, к черту, конспирация, когда все вокруг давно стали своими, а она ведет себя с ними, как с врагами!

Но изменить ничего было нельзя, по крайней мере пока, и Анфиса Коржикова прекрасно это понимала.

На пиджачке, под самым воротником, пришита приметная этикеточка одной известной французской фирмы, и именно ее следовало спрятать от посторонних глаз. Эти самые глаза могли быть только у уборщицы Нины, которая иногда, как бы по ошибке, заглядывала в чужие шкафы, и хотя вряд ли она знала, что это за фирма, все равно нужно быть осторожной.

Анфиса завернула пиджачок так, чтобы этикетку никто не увидел, тубельки тоже задвинула подальше и по длинному и чистому коридору, застланному линолеумом и освещенному ровным аптечным светом, побежала в торговый зал.

В коридоре было множество дверей, и на каждой своя табличка. На одной красовалось загадочное слово «Материальная», на другой грозная надпись: «Перед тем, как вымыть руки, не забудь снять халат», на третьей нарисована рюмка и куриная нога, сопровождавшиеся скромной надписью: «Столовая». Рюмку с ногой придумала Анфиса — шалила, — а нарисовал на компьютере талантливый программист Славик, подрабатывающий в аптеке составлением лекарственных таблиц и ведомостей. И Славику, и Анфисе казалось, что это очень остроумно, а заведующая не возражала.

Анфиса уже почти выскочила в торговый зал, когда в кармане халата у нее зазвонил телефон. Звонить ей в такое время мог только один человек.

Этот самый человек и звонил, поняла Анфиса, взглянув на высветившуюся в окошке надпись.

— Привет, бабуль.

— Здравствуй, моя дорогая. Ты уже открыла свою аптеку?

— Бабуля, ты же знаешь, что аптеку открываю не я! Ее открывает всегда Лида!

— Ну и что?! — фыркнула бабушка. — Церемония поднятия флага уже состоялась?

Бабушка всегда так выражалась — чуть более сложно и витиевато, чем все обыкновенные люди.

— Состоялась, состоялась, — поспешно согласилась в трубку Анфиса, прикрывая ее рукой, — я сейчас говорить не могу, бабуль, мне работать нужно. Я опоздала.

— Почему?!

— В пробку попала, — прошептала внучка, — на Триумфальной. Я тебе потом позвоню, хорошо?

— Не потом, а сейчас, — отрезала бабушка. — Ты помнишь историю про собаку Баскервилей?

Анфиса насторожилась так, что даже ладошку убрала, которой прикрывала телефон. С бабушкой следовало держать ухо востро — чуть зазеваешься, упустишь, и потом ни за что не догонишь, вот такая у нее бабушка!..

— Бабуля, ты о чем? Если о старике Конан Дойле, то помню. Что это ты вдруг про него вспомнила?

— Да я не вдруг и не вспомнила, а у Петра Мартыновича на участке собака Баскервилей завелась.

Петром Мартыновичем звали соседа, с которым бабушка никогда не дружила и отчасти даже презирала его, потому что сосед, по ее словам, был «бестолочью» — забор с его стороны участка давно упал бы, если бы не Юра, который ведал в бабушкиной усадьбе всеми хозяйственными вопросами. Соседские собаки через дырки все в том же заборе лезли на усадьбу и вытаптывали ирисы. По весне сосед разводил в старой детской ванночке «гуано», которое воняло так, что со всех помоек слетались тучи проснувшихся раздраженных мух. Марфа Васильевна, Анфисина бабушка, в тот угол усадьбы, ближе к которому располагалось «гуано», старалась не заходить, туда направлялся Юра, перелезал через забор и отволакивал ванночку подальше. Сосед неизменно притаскивал ее обратно и устанавливал на место с мстительным и озабоченным видом. На участке у него, по бабушкиным словам, все равно ничего путного не росло. Путного — это значит ни цветов, ни травы, ни мелких белых роз, которые она обожала. Картошку и «помидорья», как это называлось на бабушкином языке, она не признавала. Сосед же считал Марфу Васильевну «барыней» и белоручкой, и эта война продолжалась столько, сколько Анфиса себя помнила.

Откуда он вдруг взялся, этот Петр Мартынович, что это бабушка решила о нем заботиться?!

— Коржикова, ты что на рабочее место не идешь?! Народу уже полно, там Татьяна Семеновна одна пропадает!

— Иду-иду!.. — Анфиса поглубже задвинулась в угол со своим телефоном. — Бабуль, я не могу! Ты мне вечером все расскажешь, хорошо? Особенно то, что касается собаки Баскервилей!

— Ты вечером собираешься к нам? — осведомилась бабушка.

— Собираюсь. Я приеду, и мы с тобой все обсудим, ладненько?
— Я терпеть не могу этого слова, — отрезала далекая бабушка. —
Говори правильно, ты же не водопроводчик!

Кроме «ладненько», бабушка еще не признавала слов «кушать», «тепленький» и всякое такое. В бабушкином понимании все, кто употреблял вышеупомянутые слова, годились разве что в водопроводчики.

— Хорошо, я не буду. Но мы сможем поговорить только вечером.
Бабушка помолчала.

— Ну?

— Что? — нетерпеливо спросила Анфиса.

— Больше ничего?

Внучка лихорадочно соображала, чего же больше.

— Больше ничего. Бабуль, я вечером приеду, и ты мне расскажешь.

— В таком случае, не приезжай.

— Почему?! — простонала Анфиса. — Почему не приезжать?!

Бабушка помолчала. Как пить дать, затянулась сигаретой. Анфиса представила, как она сидит, положив ногу на ногу, и покачивается в кресле. Бабушка любила кресла-качалки не потому, что в них удобно «валиться», а потому, что можно «баловаться» — качаться, отталкиваться ногой, смотреть, как появляется и пропадает в зеркале собственное отражение.

— Ты сегодня до шести или до десяти?

— До десяти.

— Прямо с работы поедешь?

— Да.

— А на чем?

— Бабушка! Ну какая разница?!

— Большая.

— Бабуль, я уже взрослая девочка.

— Раз ты такая взрослая, можешь не приезжать.

— Бабушка! Ну что такое!

— Я не хочу, чтобы ты шла со станции одна в темноте!

— С чего ты взяла, что я пойду со станции?!

— Не морочь мне голову, — отрезала Марфа Васильевна. — Ключ от ворот у нас один. В одиннадцать часов я смотрю новости. Ты работаешь до десяти, значит, на машине приедешь как раз в одиннадцать. Ты знаешь, что я не люблю, когда мне мешают смотреть, и не попросила меня заранее открыть ворота. Значит, собираешься ехать на электричке и зайдешь в калитку на той стороне. И думать не смей. Лучше не приезжай.

18 — Бабушка!

— Вы все надеетесь, что я скоро выживу из ума, а я все никак. Я не разрешаю тебе идти в темноте одной. Юра тебя встретит.

— Хорошо, я приеду на машине.

— Смотри, а то я не усну!.. Или Юру отправлю.

— Не надо, — взмолилась Анфиса. Она не любила, когда Юра ее встречал. — Я приеду на машине, обещаю тебе.

— Но ведь собиралась на электричке? — ехидно осведомилась бабушка и, судя по звукам, перестала качаться туда-сюда в своем кресле. — Надуть меня хотела?..

Анфисе пришлось сознаться, что да, собиралась, и следом за признанием немедленно услышала вопрос, что у нее с машиной. И еще некоторое время пришлось объяснять, что с машиной ничего такого, просто сегодня она осталась в очень неудобном месте, потому что на Садовом были пробки, а Анфиса торопилась.

Анфиса говорила и прислушивалась к шуму аптечного зала за белой перегородкой. Мимо проплыла Лида, посмотрела неодобрительно. Потом, громко топая, промчалась Наталья Завьялова и на ходу улыбнулась Анфисе. Короткие черные кудри торчали в разные стороны из-под белой аптечной шапочки. Анфиса улыбнулась ей в ответ.

— Что вам выписали? — громко спросила вдалеке заведующая Варвара Алексеевна. Анфиса со своим телефоном чувствовала себя исключенной из утренней жизни, с каждой минутой набирающей обороты. — Татьяна Семеновна, посмотрите, что у больного с рецептом!

— Бабушка, все, я правда больше не могу. Я должна бежать.

Она сунула телефон в карман халата, поправила пояс, чтобы выглядеть безупречно, и за высокими белыми стойками пробежала на свое место.

Заведующая Варвара Алексеевна, втолковывавшая что-то худой и нескладной тетке, похожей на старую лошадь, покосилась на нее.

Заметила, поняла Анфиса. Все заметила. Теперь обязательно припомнит.

Как только она оказалась за чистым стеклом, в окошко сразу сунулся заморенного вида мужичок в брезентовой куртке.

— Мне бы, дамочка, чего-нибудь от кашля. Мучает, проклятый!

И, словно боясь, что ему не поверят, он несколько раз конфузливо кашлянул. Анфиса задумчиво его изучила. Предлагать ему новомодное средство за триста пятьдесят семь рублей не имело никакого смысла.

— Курите? — лекарским тоном спросила Анфиса у мужичонки, выдвигая ящик.

— Курю, дамочка, — покался мужичонка, — куда нам без курева, нам без курева никуда...

— Бросить надо, — посоветовала Анфиса, — вредно очень.

— Да мы знаем, знаем мы, — забормотал мужичонка виновато, — и в телевизоре, и везде... Мы же слушаем, в газетах тоже... Не на деревне живем... Бросать надо... а так... с утра не покуримши... как же...

Анфиса выложила на сверкающий прилавок ленту таблеток, подумала и достала еще коробочку мятных пастилок.

— Возьмите еще эти, они недорогие, но горло хорошо смягчают.

Мужичонка закивал, достал заскорузлой рукой несколько мятых десяток, сунул в окошко, аккуратно собрал сдачу, а лекарства затолкал во внутренний карман.

Следующей была молодая женщина с коляской, в которой подпрыгивал жизнерадостный розовощекий малыш, тряс погремушку и жмурился. Этим было нужно очень много всего — и витамины, и масло, и носовые платки, и зубную пасту.

Анфиса возилась с ними долго и весело.

Им было радостно покупать и бить в погремушку, а Анфисе радостно продавать. Она продала все, что им требовалось, и еще вдобавок хорошенькую бутылочку для сока с двумя ручками из яркой пластмассы, чтобы мальчик — такой великан! — мог сам ее держать, и еще некое приспособление для прорезывания зубов.

Анфиса советовала, а покупательница оценивала и прикидывала, и отчего-то они обе чувствовали себя заговорщицами.

Потом покупатели пошли безостановочно, и только в двенадцать Анфисе удалось выпить чашку чаю. Чай пили на беленькой кухне с нарисованными на двери куриной ногой и рюмкой. К чаю ничего не предполагалось, кроме маленькой шоколадки, и Анфиса загрустила было, но прибежала запыхавшаяся Наталья, сразу же сорвала с кудрей шапочку, швырнула ее на стул и немедленно полезла в лодильник.

— Хочешь колбасы? «Докторской»?

Анфиса немедленно согласилась, и Наталья соорудила ей бутерброд, какие умела сооружать только она, — толстый кусок свежего черного хлеба, очень толстый кусок «Докторской» колбасы и свежий огурец сверху. Круглую мягкую, как будто вздыхающую черную коврижку она каждый день привозила из своего пригорода, и все аптечные «девушки» отрезали от нее по куску к обеду.

Анфиса всегда ленилась себе готовить и ела большей частью, только когда приезжала в Аксаково, к бабушке, где вечная и неизменная домработница Клавдия всегда подавала «полноценный обед», как это называлось в семье. Зато Наталья поесть обожала — и одна, и в компании — и Анфису угощала.

20 При этом Наталья страшно расстраивалась, что «такая толстая», и завидовала Анфисе, которая была «прелесть какая тоненькая».